

РЕЧЕВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

**Коммуникативно-прагматический аспект передачи
неполноэквивалентной лексики в переводе****Culture-Bound Elements in Translation: The Communicative and Pragmatic Aspects**

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-4-29-34

Получено: 21 апреля 2022 г. / Одобрено: 10 мая 2022 г. / Опубликовано: 25 августа 2022 г.

Н.А. Куракина

Канд. филол. наук, доцент образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук»,
Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Россия, Калининград,
e-mail: petrusevich1@mail.ru

N.A. Kurakina

Ph.D. in Philology, Associate Professor of Education and Research Cluster «Institute of Education and Humanities»,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia,
AuthorID (РИНЦ): 808489,
ORCID: 0000-0001-6696-2227
e-mail: petrusevich1@mail.ru

Е.В. Харитоновна

Канд. филол. наук, доцент, доцент образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук»,
Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Россия, Калининград,
Authors ID (РИНЦ): 907865,
ORCID: 0000-0002-2607-7028,
Researcher ID: E-4641-2018,
e-mail: eharitonova@yandex.ru

E.V. Haritonova

Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Education and Research Cluster «Institute of Education and Humanities»,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia,
e-mail: eharitonova@yandex.ru

Аннотация

Как известно, в процессе коммуникации мы обмениваемся не словами и их значениями, а смыслами. С одной стороны, смысл как коммуникативная категория не ограничен рамками лишь одного языка и может быть передан в переводе при помощи тех или иных языковых средств. С другой стороны, переводческая практика показывает, что в условиях художественной коммуникации на межъязыковом уровне смысловые потери все-таки неизбежны, поскольку большинство слов любого национального языка ассоциируется с культурно значимыми смыслами, передать которые в переводе — трудно выполнимая задача. Иными словами, смысл можно рассматривать как категорию «вне языка», но не «вне культуры». Цель настоящей статьи — проанализировать способы компенсации в переводе коммуникативно-прагматического потенциала лексики с этнокультурным компонентом значения — ассоциативных реалий, рассматриваемых в работе в аспекте лексической неполноэквивалентности. Материалом исследования выступил роман В. Пелевина «Generation “П”» и его перевод на английский язык, выполненный Э. Бромфилдом. Основной фокус исследования направлен на анализ специфики функций англоязычных заимствований в романе В. Пелевина, обосновывается правомерность их рассмотрения в контексте фоновой неполноэквивалентности, а также предлагаются основные стратегии компенсации их коммуникативно-прагматического потенциала в переводе на английский язык. Проведенное исследование позволяет уточнить с позиций переводоведения понятие фоновой неполноэквивалентности, расширить представление о характере функций иноязычных заимствований в тексте художественного произведения, а также выявить основные принципы и способы передачи билингвального характера текста в переводе.

Ключевые слова: художественная коммуникация, ассоциативные реалии, заимствования, перевод, коммуникативно-прагматический эффект.

Abstract

In the process of communication, we do not exchange words, but meanings. On the one hand, meaning, as a communicative category, is not limited to a single language and can be conveyed in translation by various linguistic means. On the other hand, when it comes to translation meaning losses are still unavoidable because most words of any natural language are bound to the culture behind them. The aim of this article is to analyze the ways to compensate in translation the communicative and pragmatic effect of culture-bound elements of literary text, termed within the scope of Russian translation studies as 'associative realities'. The research is based on the novel *Homo Zapiens* (Penguin Books Ph, 2002) / *Babylon* (Faber Ph, 2001) by V. Pelevin and its translation into English, performed by A. Bromfield. The focus of the study is to analyze the functioning of English-language loanwords in the novel, which lose their nominative value and obtain a certain symbolic meaning. Serving as specific signal words emphasizing the changes in the society when the Russian people in the 1990's found themselves disoriented and trapped between a discredited Soviet past and a banal, Westernized future, they acquire the features of culture bound elements typical for the Russian culture rather than for their source culture. The research identifies several strategies to compensate the communicative and pragmatic effects of multilingual puns in translation. The study allows us to expand our understanding of the functions of foreign loanwords in the text of a work of fiction, as well as to identify the main principles and ways of transmitting the bilingual nature of the text in translation.

Keywords: literary communication, culture-bound words, translation, communicative and pragmatic effect.

Введение

Коммуникативные процессы в современном мире становятся все более сложными и неоднозначными. Осмыслению различных проблем коммуникации — особенностей рецепции информации, характера воздействия сообщения, специфики целей коммуникации и т.д. — посвящено немало исследований из разных областей как гуманитарного, так и естественно-научного знания. Особый интерес, на наш взгляд, представляет анализ художественной коммуникации, в особенности когда она выходит за пределы одного языка и осуществляется на межъязыковом уровне. Хорошо известно, что основная сложность воссоздания инокультурного текста заключается не в переводе слов, предложений или фрагментов текста, а в передаче глубины содержания исходного текста или, в терминологии Ю.А. Сорокина, «глубины контекста», под которым понимаются «смыслы описываемых автором ситуаций», предполагающих определенную «недоговоренность, характерную для любого художественного текста» [10, с. 89]. Чем больше глубина контекста, тем меньше текст поддается переводу. В этой связи особенно показательным является посмодернистский текст, который, говоря словами Е.М. Тюленевой, строится как «пространство для интерпретаций», из-за чего читатель оказывается «соавтором и соучастником текста» [11, с. 6]. Воссоздать в переводе всю глубину контекста постмодернистского текста представляется трудно выполнимой задачей. Объектом нашего исследования послужило творчество одного из наиболее сложных, с переводческой точки зрения, авторов — В. Пелевина. Основная трудность, с которой приходится сталкиваться переводчику книг Пелевина, заключается в том, что писатель ведет своеобразную постмодернистскую игру со своим читателем, смысл которой заключается в том, что читатель оказывается вовлечен в своего рода «сотворчество» с автором. Г. Муриков полагает, что автор сознательно уходит в сторону, предлагая своему читателю самостоятельно интерпретировать имплицитные смыслы, скрытые в текстовой ткани его произведений: «Объем романов Пелевина — это и есть объем тех ассоциаций и аллюзий, которые у читателя возникают в самом процессе чтения... Пелевин вовлекает читателя в сотворчество» [8]. Возможность подобного «сотворчества» для иноязычного реципиента будет во многом зависеть от способности переводчика определить, верно интерпретировать и передать имплицитный смысл, носителем которого очень часто является лексика с культурным компонентом значения, о которой и пойдет речь в нашей работе. Целью нашего исследования является анализ способов компенсации в переводе коммуникативно-прагматического потен-

циала культурно-маркированных лексических единиц — ассоциативных реалий — рассматриваемых в контексте фоновой неполноэквивалентности. В работе впервые обосновывается правомерность рассмотрения иноязычных заимствований как специфической группы квазиреалий, основная функция которых — символическая: не обладая содержательной ценностью, заимствования в романе В. Пелевина выступали сигналами становления новой философии жизни, основанной на «ценностях» западноевропейской культуры. Результаты проведенного анализа позволили определить основные принципы передачи коммуникативно-прагматического потенциала рассматриваемой группы лексических единиц в переводе.

Постановка проблемы. Теоретическая часть

Многочисленные исследования, посвященные изучению национально-культурной специфики языка, убедительно свидетельствуют о том, что большинство слов оказываются в той или иной степени «отягощенными» различными ассоциациями, представлениями, нюансами смысла и т.д. Так, Г.В. Елизарова пишет, что «культурный компонент значения содержится не только в безэквивалентной лексике, но и в лексике, которая на поверхности предстает как имеющая эквиваленты в ИЯ» [4, с. 66]. Иными словами, среди лексических групп, содержащих культурный компонент значения, могут быть обозначения как денотативных реалий, так и обозначения ассоциативных реалий.

Ассоциативные реалии — это слова общеупотребительного вокабуляра, связанные с различными национальными историко-культурными явлениями, отразившимися в компонентах значений этих слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т.п. [9, с. 340]. Словарные соответствия у ассоциативных реалий, в отличие от денотативных, есть, однако они никогда не будут полными. В этой связи мы относим ассоциативные реалии к неполноэквивалентной лексике. Неполноэквивалентные единицы можно трактовать по аналогии с понятием *rich points*, предложенного американским лингвистом М. Агаром [14], как элементы языка, сигнализирующие о различиях между культурами: *Rich points are those surprises, those departures from an outsider's expectations that signal a difference between LC1 and LC2 (LC — language-culture: прим. авторов)*. Немецкий исследователь Г. Херингер [15, с. 162] поясняет, что *rich points* возникают при контакте с людьми из других культур как маркеры различий между коммуницирующими культурами. Иными словами, культурно-маркированными являются не только денотативные реалии, язы-

ковым выражением которых служит безэквивалентная лексика, но и ассоциативные реалии — общеупотребительные слова, нагруженные специфическими для каждой культуры ассоциациями, представлениями, определяющими разницу в образах сознания.

Несмотря на активные исследования особенностей перевода безэквивалентной лексики, которая подвергалась подробному анализу в трудах Г.В. Быковой, Е.М. Верещагина, В.С. Виноградова, С. Влахова, Р.П. Зоривчак, Н.К. Гарбовского, В.Н. Комиссарова, В.Г. Костомарова, Л.К. Латышева, В.В. Ощепковой, А.В. Федорова, С. Флорина и др., работ, посвященных изучению специфики передачи в переводе ассоциативных реалий, значительно меньше. Между тем перевод данных реалий, на наш взгляд, будет представлять весьма серьезную проблему для переводчика. Если денотативные реалии открыто сигнализируют о своей инокультурной специфике, национально-культурный компонент семантики ассоциативных реалий выражен, как правило, имплицитно. Даже опытный переводчик не всегда может знать об информационных несовпадениях понятийно-сходных слов. Во-вторых, при переводе ассоциативных реалий передать значение, т.е. сам денотат знака, оказывается достаточно просто. Например, в переводе Э. Бромфилда одна из ассоциативных реалий 1990-х гг., основанная на символике цвета — «бордовый пиджак» — была воссоздана при помощи прямого соответствия *maroon jacket*: *В пакете был бордовый пиджак из материала, похожего на шинельное сукно. He brought with him a large, bright-yellow plastic bag containing a maroon jacket made of material that looked like the fabric they use for Russian army greatcoats.* Однако передать предметно-логическое содержание в данном случае оказывается недостаточным, поскольку не учитывается сигнификативный компонент значения, заключающийся в том, что цвет в данном случае символизирует о статусе владельца, о его принадлежности к определенным кругам. Иными словами, специфика перевода ассоциативных реалий, на наш взгляд, заключается в том, что при их передаче на иностранный язык на первый план выходит не денотативный компонент значения, а информация, имплицитно выраженная в сигнификативном, коннотативном или фоновом компонентах значения слова. Данная особенность требует от переводчика использования определенных тактик, позволяющих эксплицировать смыслы, содержащиеся в ассоциативных реалиях, передавая тем самым весь объем ассоциаций, которые возникают у читателя в процессе чтения оригинала.

Далее мы рассмотрим способы перевода ассоциативных реалий, на материале весьма специфической группы лексических единиц — англоязычных заим-

ствований, обладающих в контексте произведения В. Пелевина символической функцией: выступать в качестве сигналов, свидетельствующих о происходящих изменениях социальной среды и становлении новой философии жизни. В данном случае перевод осложнен тем, что переводчику требуется найти способ компенсировать потерю социальной символики, маркерами которой выступают иноязычные элементы.

Материалы и методы исследования

Материалом нашего исследования выступили ассоциативные реалии, отобранные нами методом сплошной выборки из произведения В.О. Пелевина «Generation „П“», а также их англоязычные соответствия из перевода романа на английский язык, выполненного известным переводчиком русской литературы Э. Бромфилдом.

Дискуссия

«Generation „П“» — постмодернистский роман Виктора Пелевина о поколении россиян, которому пришлось перестраивать систему ценностей и внутренних убеждений под влиянием политических и экономических реформ 1990-х гг. Это произведение представляет, на наш взгляд, исключительный интерес для исследователей перевода, поскольку в нем очень много, выражаясь словами И.И. Халеевой, лексики, несущей в себе «заряд социокультурной и исторической памяти» [12, с. 29]. Даже само название романа, по сути, является ассоциативной реалией. По мнению критиков, название романа позволяет читателю самостоятельно интерпретировать заложенный в нем смысл.

Ассоциативные реалии в романе В. Пелевина могут быть представлены несколькими тематическими группами: вегетативные и анималистические символы (*березовый Спрайт, банановая республика, мухоморная дрожь* и т.д.), реалии, основанные на символике цвета (*бордовые пиджаки, красные рубахи, черный (серый) пиар, синий хвост удачи* и т.д.), исторические, литературно-книжные (*Вавилон, Бедные люди, Храм Спаса на про-V* и т.д.), а также языковые аллюзии (*агентства множжились как ... гробы после вождя, пар костей не ламент* и т.д.). Предложенное деление основывается на подходе к классификации ассоциативных реалий В.С. Виноградова (см. об этом подробнее [3, с. 110–112]).

Говоря о сложностях перевода ассоциативных реалий в романе В. Пелевина, мы не могли не затронуть отдельную группу слов, которую мы также (в дискуссионном порядке) посчитали возможным отнести к особой группе ассоциативных квазиреалий, а именно, речь идет об иноязычных заимствованиях.

В современной науке существует мнение, что функциональный диапазон заимствованной лексики в художественном тексте ограничен номинативной функцией. Действительно, использование иноязычных вкраплений, как правило, обусловлено необходимостью описания национально-специфичных реалий другой культуры или же для намеренного придания тексту экзотичного характера, привлечения внимания читателя «особостью», инокультурностью.

Однако в романе В. Пелевина заимствования выполняют особую роль: их функция — подчеркнуть происходящие изменения социальной среды, продемонстрировать становление новой философии жизни, основанной на «ценностях» западноевропейской культуры. Ср.: *Человек человеку даже не имиджмейкер, не дилер, не киллер и не эксклюзивный дистрибьютор, как предполагают современные социологи. Человек человеку вау — и не человеку, а такому же точно вау.*

При этом зачастую заимствования не имели даже содержательной ценности. Профессор Кронгауз, анализируя ключевые слова эпохи в своем труде «Русский язык на грани нервного срыва. 3D» приводит любопытное замечание: «Слово толлинг внезапно обрушилось на москвичей в 1999 году. На улицах города началась настоящая война на “полях” наружной рекламы. С одних щитов к ним взывала фраза “Запретить толлинг! Хватит грабить Россию”, с других — “Запретить толлинг — разорить Россию”. И никто (я имею в виду нормальных людей) не знал тогда, что такое толлинг. Да и сейчас не знает» [6, с. 124].

А.А. Кирпичникова, подчеркнув, намеренный билингвальный характер названия романа (англ. *generation* и русс. литера «П»), пишет, что подобное «смещение можно трактовать как попытку показать, что поколение, к которому принадлежит Вавилен Татарский, находится между двумя мирами — “русским” и “западным”» [5, с. 93].

Мы полагаем, что англоязычные заимствования в романе можно определить как «слова — свидетели эпохи» [2, с. 13]. Они обладают уникальным свойством: выполняя чаще всего функцию дублетов существующих в русском языке слов, т.е. не обладая признаками безэквивалентности, они, тем не менее, выступают маркерами иной лингвокультуры, поскольку в них безошибочно улавливается «отголосок» иного жизненного уклада. Однако назначение этой лексики — не столько быть средством описания национальных историко-культурных явлений, сколько нести символическую нагрузку. Благодаря заимствованиям в романе писателя создается совершенно особая в культурном плане система образов, передать которую, безусловно, важно в переводе.

Как показал наш анализ, в большинстве случаев фрагменты оригинального текста, маркированные заимствованиями, Бромфилдом или опускались (ср.: *Человек человеку даже не имиджмейкер, не дилер, не киллер и не эксклюзивный дистрибьютор... — Man is not even an image-maker to man...*) или же никак не передавались: *Кислотные журналы посвящали бы пронзительные cover stories эстетике пластикового пакета... — Youth fashion magazines would devote revelatory cover stories (written, of course, by Sasha Blo) to the aesthetics of the plastic bag...*

Передать билингвальный характер оригинала в случае, когда перевод осуществляется на один из языков, задействованных в языковой паре, в принципе, возможно, поменяв, например, первичный и вторичный языки местами или задействовав другой язык, не использованный в оригинале. Однако в рассматриваемом нами произведении использовать данные тактики нельзя, поскольку это неизбежно приведет не только к подмене колорита, но и к полному искажению описываемой реальности. Как следствие, переводчику приходится искать способы компенсировать коммуникативно-прагматический эффект от «двуязычия» оригинала.

Представляется, что в данном случае переводчик может прибегнуть к трем основным тактикам: во-первых, эксплицитировать процесс перевода, используя переводческий комментарий как вид перитекста, в котором возможно объяснить интенцию автора.

Во-вторых, использовать тактику переключения с билингвального на социолектный характер текста. Например, в следующем примере необходимо обыграть контраст между англицизмом «криэйтор» и его русскоязычным аналогом «творец»:

«Generation 'П'» В. Пелевин	Pelevin V. <i>Homo Zapiens</i> . Tr. by A. Bromfield
<i>Пойдешь ко мне в штат? — Кем? — спросил он.</i>	<i>Will you come and work for me full-time?..</i>
<i>— Криэйтором.</i>	<i>'What as?' he asked.</i>
<i>— Это творцом? — переспросил Татарский. — Если перевести?</i>	<i>'A creative.'</i>
<i>Ханин мягко улыбнулся.</i>	<i>'Is that a writer?' Tatarsky asked. Translated into ordinary Russian?</i>
<i>— Творцы нам тут <...> не нужны, — сказал он. — Криэйтором, Вава, криэйтором.</i>	<i>Khanin smiled gently. 'We don't need any <...> writers here,' he said. 'A creative, Babe, a creative.'</i>

Использование социолектизма *creative*, часто применяемого в журналистике (см., например: *A creative is someone whose job is to be creative, especially someone who creates advertisements. Mainly journalism* [13]), противопоставляя его более общепотребительному слову *writer*, представляется нам весьма эффективным способом передачи авторской билингвальной игры. Действительно, в использовании жаргонизма *creative*, говоря словами Н.В. Багичевой, «присутствует какая-

то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны» [1, с. 72]. Разумеется, билингвальный характер текста в переводе не воссоздается, однако использование стратегии переключения с билингвального на социолектный характер текста представляется нам весьма успешной.

Наконец, переводчик также может включиться в постмодернистскую игру автора с читателем и создавать новые формы, в которых билингвальный характер текста может быть выражен не эксплицитно, а имплицитно. В качестве примера можно привести перевод названия романа «Generation ‘П’».

Интересно отметить, что существуют две версии перевода названия романа на английский язык: *Babylon* (издательство *Faber*) и *Homo Zapiens* (издательство *Penguin Books*). Первый вариант переключается с именем главного героя — Вавилена, которое является сокращением от «Василий Аксенов» и «В.И. Ленин». По мнению А.А. Кирпичниковой, название *Babylon* следует рассматривать как отсылку к Вавилонской башне, рухнувшей из-за того, что люди стали говорить на разных языках (см. об этом: [5, с. 93]). Второй вариант — это производное от запинга, означающего в интерпретации Пелевина

процесс, при котором телевизор превращается в пульт дистанционного управления телезрителем, который при этом переходит в состояние *Homo Zapiens*, при котором происходит полная деконструкция идей, определяющих самосознание человека. На наш взгляд, оба переводческих варианта в полной мере соответствуют прагматике оригинала, позволяя иноязычному читателю неограниченно ассоциировать, принимая, таким образом, приглашения автора к своеобразному «сотворчеству», о котором мы писали ранее.

Заключение

В заключение отметим, что заимствования могут играть важную роль в структуре художественного текста, поскольку они способны обладать дополнительной смысловой нагрузкой и создавать определенный прагматический эффект. Как правило, их невозможно сохранить в переводе, если язык перевода является одним из языков, использованных автором оригинала в языковой паре, однако, как показывает наш материал, существуют способы частично компенсировать прагматический эффект от «двуязычного» характера оригинала, изучение которых представляется нам весьма актуальной задачей.

Литература

1. Багичева Н.В. Любовь к русскому языку и беспокойство за него (Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009) [Текст] / Н.В. Багичева // Филологический класс. — 2010. — № 1. — С. 71–72.
2. Бахтикиреева У.М. Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / У.М. Бахтикиреева. — М., 1995. — 16 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.С. Виноградов. — М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. — 224 с.
4. Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях) [Текст] / Г.В. Елизарова. — СПб.: Бельведер, 2000. — 140 с.
5. Кирпичникова А.А. Языковые особенности постмодернистского романа и специфика его перевода (на примере романа В. Пелевина «Generation “П”» и его перевода Э. Бромфилда) [Текст] / А.А. Кирпичникова // Казанский лингвистический журнал. — 2018. — Т. 1. — № 3. — С. 88–95.
6. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D [Текст] / М. Кронгауз. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 480 с.
7. Муриков Г. Параллельные миры. Россия. XXI век [Электронный ресурс]. — URL: <https://proza.ru/2010/11/20/406>
8. Пелевин В. Generation «П» [Текст] / В. Пелевин. — М.: ЭКСМО, 2011. — 352 с.
9. Словарь терминов межкультурной коммуникации [Текст] / гл. ред. М.Г. Лебедев и З.Г. Прошина. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 632 с.
10. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры [Текст] / Ю. Сорокин. — М.: Гнозис, 2003. — 160 с.
11. Тюленева Е.М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика [Текст]: автореф. дис. ...

д-ра филол. наук / Е.М. Тюленева. — Иваново, 2006. — 322 с.

12. Халева И.И. Лингвосоциокультурный компонент подготовки переводчиков (из опыта Московского государственного лингвистического университета) [Текст] / И.И. Халева // Перевод и лингвистика текста. Сб. ст. — М.: ВЦП, 1994. — С. 23–30.
13. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/copywriter>
14. Agar M. Culture: Can you take it anywhere? [Electronic resource] // International Journal of Qualitative Methods. No. 5 (2). URL: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/5_2/pdf/agar.pdf
15. Heringer H.J. Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte / H.J. Heringer. Tübingen: A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2004. 240 S.
16. Pelevin V. Babylon / V. Pelevin Tr. by A. Bromfield. London: Faber, 2001. 250 p.
17. Pelevin V. Homo Zapiens / V. Pelevin Tr. by A. Bromfield. NY: Penguin Books, 2002. 256 p.

References

1. Bagicheva N.V. Lyubov' k russkomu yazyku i bespokojstvo za nego (Krongauz M. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva [Love for Russian language and anxiety for it (Krongauz M. Russian language on the verge of a nervous breakdown)]. *Filologicheskij klass* [Philological class]. Moscow, 2010, I. 1, pp. 71–72.
2. Bakhtikireeva U.M. *Hudozhestvennyye funkcii leksiki s nacional'no-kul'turnym komponentom semantiki v romane CH. Ajtmatova «I dol'she veka dlitsya den'»*. Ph.D. thesis abstract. [Artistic functions of the lexicon with the national-cultural component of semantics in the novel of Ch. Aitmatov And the day lasts longer than a century]. Moscow, 1995. 16 p.
3. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (gen-

- eral and lexical issues)]. Moscow: IOSO RAO Publ., 2001. 224 p.
4. Elizarova G.V. *Kul'turologicheskaya lingvistika (Opyt issledovaniya ponyatiya v me-todicheskikh celyah)* [Cultural linguistics (Experience of concept research for methodological purposes)]. Saint Petersburg: Bel'veder Publ., 2000. 140 p.
 5. Kirpichnikova A.A. Yazykovye osobennosti postmodernist-skogo romana i specifika ego perevoda (na primere romana V. Pelevina «Generation "P"» i ego perevoda E. Bromfilda) [Linguistic features of the postmodern novel and the specificity of its translation (on the example of V. Pelevin's novel Homo Zapiens and its translation by E. Bromfield)]. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal* [Kazan Linguistic Journal]. V. 1, I. 3. Kazan', 2018. Pp. 88–95.
 6. Krongauz M. *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. 3D* [Russian language on the verge of a nervous breakdown. 3D]. Moscow: Astrel': CORPUS Publ., 2012. 480 p.
 7. Murikov G. *Parallelnye miry. Rossiya. XXI vek* [Parallel worlds. Russia. XXI century]. URL: <https://proza.ru/2010/11/20/406>
 8. Pelevin V. *Generation 'P'* [Generation 'P']. Moscow: EKSMO Publ., 2011. 352 p.
 9. *Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii* [Dictionary of Intercultural Communication]. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2013. 632 p.
 10. Sorokin Yu.A. *Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevicheskie procedury* [Translation studies: translator's status and psychohermeneutic procedures]. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 160 p.
 11. Tyuleneva E.M. *'Pustoj znak' v postmodernizme: teoriya i russkaya literaturnaya praktika. Dokt. Diss.* ['Empty sign' in postmodernism: theory and Russian literary practice. Doct. Diss.]. Ivanovo, 2006. 322 p.
 12. Haleeva I.I. Lingvosociokul'turnyj komponent podgotovki perevodchikov (iz opyta Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta) [Linguo-sociocultural component of translators' training (from the experience of the Moscow State Linguistic University)]. *Perevod i lingvistika teksta* [Translation and linguistics of text. Collection of articles]. Moscow. VCP Publ., 1994. Pp. 23–30
 13. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/copywriter>
 14. Agar M. Culture: Can you take it anywhere? [Electronic resource] // International Journal of Qualitative Methods. No. 5(2). URL: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/5_2/pdf/agar.pdf
 15. Heringer H.J. *Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte* / H.J. Heringer. Tübingen: A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2004. 240 S.
 16. Pelevin V. *Babylon* / V. Pelevin Tr. by A. Bromfield. London: Faber, 2001. 250 p.
 17. Pelevin V. *Homo Zapiens* / V. Pelevin Tr. by A. Bromfield. NY: Penguin Books, 2002. 256 p.